

Московский педагогический
государственный университет

В. И. Шувалов

**МЕТАФОРА
В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
СОВРЕМЕННОГО
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Москва
2019

Валерий Шувалов

**Метафора в лексической системе
современного немецкого языка**

«МПГУ»

2019

Шувалов В. И.

Метафора в лексической системе современного немецкого языка /
В. И. Шувалов — «МПГУ», 2019

ISBN 978-5-4263-0750-6

Монография рассматривает структурно-типологические особенности метафоры, закономерности ее функционирования в языке и речи, ее интеракцию с другими средствами языка. Результаты исследования могут представлять интерес с точки зрения теории немецкого языка, а его иллюстративный материал может быть использован на занятиях по лексикологии, стилистике и интерпретации текста на старших курсах языковых вузов и университетов. 2-е издание, дополненное и переработанное.

ISBN 978-5-4263-0750-6

© Шувалов В. И., 2019

© МПГУ, 2019

Содержание

Введение	5
Краткий исторический экскурс	9
Глава I	13
1.1. Принцип метафорической интеракции	13
1.2. Метафора и дискурс	17
1.3. Контекстуальный аспект метафорики	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

В. И. Шувалов

Метафора в лексической системе современного немецкого языка Монография

Введение

Со времен Аристотеля о метафоре как универсальном феномене языка и мышления, без преувеличения, написаны целые библиотеки. Даже простое перечисление авторов, занимавшихся этой проблемой, не говоря уже о систематическом изучении всех существующих метафорических концепций, не представляется возможным. Тем не менее количество научных исследований по данной теме продолжает расти в арифметической, если не в геометрической, прогрессии. О метафоре сказано уже так много, что некоторые исследователи всерьез полагают, будто ничего нового сказать о ней уже не удастся (Henle, 1983: 80). Нет необходимости доказывать, что это, мягко говоря, преувеличение либо заблуждение. Каждое новое поколение вносит и, несомненно, *будет вносить* нечто новое в осмысление и систематизацию метафорических процессов языка, в выявление основных закономерностей и, возможно, новых тенденций функционирования метафор в языке и речи.

В этом смысле данное исследование можно рассматривать как определенный вклад в разработку общей теории образных средств языка и в отечественную метафорологию на рубеже XX–XXI вв. В нем содержатся наиболее показательные, иногда противоречивые и даже спорные высказывания о метафоре отечественных и зарубежных исследователей (в основном немецко-и англоязычных), которые могут в той или иной степени способствовать формированию объективного мнения об этом столь же интересном, сколь и сложном явлении, составляющем если не основу, то во всяком случае фон любого естественного языка.

Своеобразный циркулярный парадокс данного исследования заключается в том, что точно так же как о языке мы говорим *на языке*, о метафоре мы вынуждены в рамках металингвистического дискурса также часто говорить при помощи *метафор*, постичь которые можно не иначе, как активно употребляя их в своей речи. Действительно, многое из того, что мы говорим о метафоре, само по себе метафорично и не может быть эксплицировано «обычным» образом. Более того, даже объяснение вполне буквальных высказываний часто включает в себя метафорические элементы. На это в свое время указывал А. Ричардс, который называл исследование *метафоры посредством метафоры* одной из главных задач в изучении языка (Richards, 1955: 41).

Любой естественный язык – это «сложная, многоаспектная и многослойная система» (Семенюк, 1972: 13), носящая интерактивный и открытый характер, причем эта *открытость* позволяет ему находиться в постоянном развитии. Метафорический способ номинации, имманентно присущий системе языка с незапамятных времен, является одним из ярких проявлений такого развития, а сами метафоры, возникающие «на руинах дескриптивного значения слов» (М. Бердслей), обогащают и расширяют не только ресурсы языка, но и наши представления о мире, в котором мы живем.

Метафорология как наука имплицитно поистине необъятный круг задач, который не может быть исчерпан в рамках одного исследования. Отметим лишь, что любая адекватная теория метафоры в настоящее время мыслится исключительно как интердисциплинарная. По замечанию Хуго Майера, метафора как языковое явление представляет собой столь сложный

феномен, что он не может быть встроен в тесные рамки какой-либо одной классификации (Meier, 1963: 229).

В данном исследовании будут рассмотрены некоторые наиболее значимые *лингвистические аспекты* метафорического способа номинации, охватывающего в той или иной степени *все* уровни языка и сферы коммуникации – от высокой поэзии до сленга – и являющегося *сущностной* характеристикой любого естественного языка.

Исходя из такого понимания проблемы, в работе предпринимается попытка рассмотреть комплексную проблему метафоры во всех ее взаимосвязях и следствиях и свести подчас разрозненные языковые факты, касающиеся метафорического способа номинации, в одну общую теоретическую картину. Этим обусловлена **актуальность исследования**.

Цель исследования заключается в анализе структурных особенностей различного рода метафорических обозначений, закономерностей их функционирования на разных уровнях языка и в различных сферах коммуникации, их интеракции с другими элементами языка.

Теоретическая значимость исследования определяется непреходящей важностью данной проблемы в рамках общелингвистической парадигмы; рассматривая один из важных аспектов парадигматических отношений в лексике, оно вносит определенный вклад в разработку общей теории образных средств языка. Полученные научные результаты и основные теоретические положения могут найти применение в аналогичных исследованиях по другим языкам.

Научная новизна работы, как представляется, вытекает из предлагаемой трактовки некоторых основных положений лингвистической теории метафоры, включая комплексно-систематизированное описание метафорической лексики, введение ряда новых терминов, предлагаемую в качестве гипотезы лингвологографическую концепцию метафоры и вынесенный в Приложение краткий, постоянно пополняющийся словарь метафорических средств современного немецкого языка.

Основными методами исследования, обусловленными его целью, общей направленностью и поставленными задачами, являются семантический, структурно-функциональный, контекстуальный (дискурсивный), сопоставительный, а также элементы квантитативного анализа.

Объектом исследования является обширный, коммуникативно-релевантный метафорический пласт современной немецкоязычной лексики, оказывающий стабилизирующее влияние на вокабуляр и способствующий эволюционному прогрессу языка.

Материалом исследования послужили аутентичные немецкоязычные тексты более или менее ярко выраженной метафорической направленности, в основном из печатных и электронных средств массовой информации, а также из художественной и публицистической литературы примерно за последние 50 лет, представляющие репрезентативный срез современного немецкого языка. В общей сложности проанализировано около двух тысяч единиц метафорического словоупотребления, большая часть которых вошла в Приложение.

В соответствии с поставленной целью и конкретными задачами можно выделить следующие **основные положения исследования**:

- Являясь интегральной частью общего языкового континуума и охватывая так или иначе *все* семантическое пространство, метафора как способ номинации является одной из важнейших составляющих лексической системы языка.
- Любая полноточная лексема, имеющая дескриптивный контент, *может быть* метафоризирована; в соответствии со степенью метафоризации выделяются инновативные, конвенциональные и латентные метафоры.
- Метафора рассматривается как широко разветвленная и инклюзивная система, включающая в себя такие языковые феномены, как символ, аллегория, синестезия, а также метонимия, ирония, эвфемизм, гипербола

и другие, которые в совокупности составляют динамику метафорического процесса.

- Метафоры (кроме лексикализованных) могут быть адекватно идентифицированы и интерпретированы лишь в дискурсивном окружении, от которого они непосредственно зависят и который они, являясь *активным агентом* в общем коммуникативном процессе, метафорически модифицируют;

при этом степень метафоричности того или иного дискурса может быть различной.

- В абсолютном большинстве случаев слово немедленно и неминуемо приобретает метафористическую (либо другую образную) окраску, как только оно выходит за пределы своего «домашнего дискурса».

- Для корректной интерпретации метафоры в дискурсивном окружении, как правило, не требуется ее соотнесение с буквальным инвариантом, заложенным в подсознании; литеральное и метафорическое вписываются в одну общую парадигму восприятия, континуальность которого при этом не нарушается.

- Нецелесообразно отделять художественную и, в частности, поэтическую метафору от общеязыковой и придавать ей какой-то особый статус. Язык как многомерная и саморегулирующаяся система представляет собой *единый и неделимый* континуум, и его искусственная фрагментация на любом уровне может иметь контрпродуктивные последствия не только в теоретическом аспекте.

- Выдвигаемая в качестве гипотезы лингвологографическая концепция метафоры, дополняющая аналитическую и не противоречащая ей, основывается на системе т. н. полной записи, базирующейся на феномене сосуществования и взаимодействия смыслов в рамках одной лексемы, из которой мы по оптимальной схеме, а именно смыслонаправленно, ассоциативно и с опорой на контекст извлекаем релевантную, в данном случае метафорическую, информацию.

Практическая ценность работы состоит в том, что ее отдельные положения и иллюстративный материал могут быть использованы на лекционных и семинарских занятиях по лексикологии и стилистике, а также в спецсеминарах по интерпретации текста, лексикографии и на занятиях по политлексике на старших курсах филологических факультетов университетов и педагогических вузов.

Данная монография состоит из введения, трех исследовательских глав, заключения, библиографии и списка источников языкового материала.

Ни одно серьезное исследование общих закономерностей языка и речи не может игнорировать феномен метафоры. Ныне она является объектом пристального изучения в рамках таких научных дисциплин, как лингвистика, литературоведение, философия, когнитивная психология и др. Естественно, что представители этих наук используют в своих исследованиях совершенно разные аналитические парадигмы и зачастую по-своему формулируют и реформулируют суть проблемы, внося тем самым немаловажный вклад в ее общее понимание.

В свое время немецкий филолог Г. Либ обнаружил, начиная с античности и до 1963 года, не менее 125 отличающихся друг от друга дефиниций метафоры; сейчас мы вправе исходить из гораздо более внушительной цифры. Однако, несмотря на впечатляющий плюрализм мнений и точек зрения, существует в общем не так уж много унитарных и оригинальных теорий метафоры. Среди них можно выделить прежде всего следующие: 1) орнаментально-риторическая, 2) компаративистская, 3) субституционная, 4) буквальная, 5) девиативная, или «парази-

тическая», б) теория внутреннего напряжения, 7) интеракционистская, 8) контекстуальная, 9) когнитивистская.

Разумеется, эти – как, впрочем, и другие более фрагментарные – концепции и теории не существуют *в чистом виде*, а часто образуют сложные концептуальные блоки, с помощью которых анализируются различные аспекты данной проблемы. Некоторые из них характеризуются внутренней противоречивостью, другие, напротив, органически дополняют друг друга. Мы считаем наиболее адекватной прежде всего интеракционистскую концепцию (7) в сочетании с теорией внутреннего напряжения (б) и контекстуальной теорией (8). Напротив, теории 1–5 представляются не совсем адекватными либо малоубедительными; что касается весьма распространенной в настоящее время когнитивистской концепции метафоры, то ее новизна заключается не столько в подходе, сколько в оригинальной терминологии, кроме того, она не является по своему характеру строго лингвистической, поскольку рассматривает метафору прежде всего как феномен мышления.

Краткий исторический экскурс

Чем больше мы узнаем о метафоре, тем более интересным и загадочным представляется этот феномен языка и мышления. Несмотря на значительную разработанность темы, в ней остается целый ряд невыясненных вопросов и дискуссионных положений. Так, до настоящего времени не утихают споры о том, были ли первые древние языки метафорическими или метафорика как средство выражения появилась намного позже. По убеждению Дж. Вико, люди сначала общались между собой немymi жестами и знаками, затем при помощи метафор, и лишь много столетий спустя возник рациональный, т. е. буквальный язык. Все подобные утверждения носят в лучшем случае гипотетический характер и, естественно, не опираются ни на какие конкретные данные.

Напротив, доподлинно известно, что первое упоминание о метафоре как феномене языка содержится в «Поэтике» Аристотеля, что является косвенным доказательством ее существования и функционирования уже задолго до этого. Смысл метафоры, по Аристотелю, состоит в присвоении вещи такого имени, которое изначально принадлежит другому объекту (Aristotle, 1941: 1457b). Сама метафора рассматривается им как риторическая фигура, причем вне всякой очевидной связи с контекстом. Впервые здесь упоминается, в частности, и *аналогия* как одно из средств создания метафоры. Впоследствии Квинтилиан, пошедший по стопам своего учителя, выдвинул собственную версию, сводившую метафору фактически до уровня сокращенного, или эллиптического, сравнения.

Именно Квинтилиану принадлежит авторство метафорической типологии, в рамках которой выделялись четыре основных вида переносов: 1) с живого объекта на живой, 2) с неживого объекта на неживой, 3) с живого на неживой и 4) с неживого на живой. В этой классификации особый интерес представляет 3-й пункт, поскольку именно по такой модели в языке образуются различного рода олицетворения.

Цицерон, признавая метафору в качестве мощного оружия риторики, в которой он был непревзойденным мастером, призывал в то же время к сдержанности в ее употреблении, добавляя при этом, что если она все же неизбежна, ее целесообразно снабжать смягчающей формулой *ut ita dicam* (так сказать).

Спустя многие столетия, уже в Средние века и в последующий период, появилась целая плеяда яростных критиков метафоры, считавших ее чуть ли не одним из проявлений лжи. Так, известный философ Томас Гоббс не скрывал своего презрения к метафоре и называл ее откровенным надругательством над речью (*abuse of speech*). Когда люди употребляют слова в ином значении, нежели им предназначено свыше, они обманывают и себя, и других, писал он своем знаменитом опусе «Левиафан» (1651).

Вплоть до XVIII века метафора, в соответствии с аристотелевскими традициями, рассматривалась исключительно как риторическая фигура, а несколько позже как один из тропов (тропы = *verba alia pro aliis*).

В период классицизма и барокко метафорика хотя и существовала в письменной речи, но была довольно мрачной и стереотипной. Лишь в эпоху Просвещения отдельные авторы начали проявлять некоторую творческую вольность в обращении с языком, используя метафоры для усиления экспрессии. Так, Жан Пауль (Jean Paul Richter) осмелился назвать язык «собранием поблекших метафор» (*Sammlung erblasseter Metaphern*), высказывая одновременно нескрываемое восхищение по поводу того, что они, т. е. метафоры, способны олицетворять и одухотворять неживые предметы. В произведениях самого Жана Пауля метафора становится не только одним из главных стилистических средств, но и доминирующим мотивом, своеобразным *ключом* к пониманию его творчества, в котором метафорические нити образуют тонко сплетенную и неразрывную сеть (Mauch, 1974: 8–9).

Напротив, довольно скептическую позицию по отношению к метафоре занимал Фридрих Ницше, который хотя и рассматривал ее как необходимость, все же приписывал ей иррациональные качества (впрочем, такую же иррациональность он приписывал и языку в целом).

Одним из первых, кто рассматривал метафору не как изолированную риторическую фигуру, служащую для украшения, а как органическую составляющую часть поэтического целого, был Й. В. Гёте. Яркие авторские метафоры самого Гёте хорошо известны и до сих пор пользуются популярностью даже за пределами Германии. В частности, его знаменитая и ставшая уже крылатой фраза: “*Grau, teurer Freund, ist alle Theorie und ewig grün des Lebens goldner Baum*” часто приводится в качестве наглядного примера абсолютной неперефразируемости метафорических выражений.

То же самое можно сказать о блестящих метафорах Шекспира, причудливо разбросанных по всем его произведениям. Примечательно, что метафорическое выражение из «Ромео и Джульетты» *Juliet is the sun* превратилось в хрестоматийное и продолжает оживленно дискутироваться литературоведами и лингвистами по сей день как образец предикативной метафоры с далеко идущими импликациями, не поддающейся буквальному перефразированию.

И все же отношение к метафоре оставалось в течение длительного времени настроенным и крайне противоречивым. Так, Вольтер, считавшийся вольнодумцем своей эпохи, откровенно недолюбливал метафоры и старался, как он сам признавал, воздерживаться в философских диспутах от метафорических аргументов. Напротив, Жан Жак Руссо всеми силами поддерживал метафору как выражение вербального аффекта и приписывал метафорическому языку высокий ранг праязыка рода человеческого, тут же добавляя, что южные языки более аффективны и метафоричны и поэтому скорее отвечают этому почетному статусу, чем северные.

В защиту метафоры в разные годы выступали такие выдающиеся мыслители, как француз Анри Бергсон и испанец Ортега-и-Гассет, рассматривавший метафору как инструмент духовного познания, без которого на нашем ментальном горизонте образовалась бы фактически неосвоенная «вакуумная зона».

Во французской лирике XIX века (Аполлинер, Бодлер, Верлен и др.) метафора уже становится ключевым понятием. В поэтических текстах того периода начинают появляться «смелые» метафоры, элементы которых принадлежат к весьма отдаленным друг от друга и не соприкасающимся семантическим сферам. Классическое сравнение стало считаться немодным, непоэтичным и даже мелкобуржуазным (Bloch, 1960: 138f.).

Однако с момента опубликования знаменитого футуристического манифеста в начале XX века маятник вновь качнулся в обратную сторону, и многие писатели и поэты, включая немецких экспрессионистов (Эрнст Толлер, Вальтер Газенклевер и др.) и даже реалистов (Альфред Деблин), объявили настоящую войну метафорам. По их убеждению, литература, включая поэзию, должна быть сильной, динамичной и непосредственной, чего можно достигнуть, не прибегая к метафорике как якобы отжившему способу выражения.

Определенная настроенность по отношению к метафорам и недоверие к ним сохранились и после исчезновения с художественной авансцены футуризма и экспрессионизма. Известно, что такой тонкий знаток языка, как Франц Кафка, пытался всеми силами избегать метафор в своих произведениях, считая их «подозрительными», и тем не менее это ему не удавалось: сами названия двух его знаменитых романов – “*Das Schloss*” и “*Der Prozess*” – представляют собой не что иное, как метафоры с элементами символики.

Отметим попутно, что сходную амбивалентность по отношению к метафорическим обозначениям проявлял в первой половине XIX века известный австрийский поэт Николаус Ленау (1802– 1850), называвший метафору «продажной дочкой Мефистофеля» (*bestechliches Töchterchen Mephistos*). В то же время лирика самого Ленау отличалась яркой метафоричностью и романтической символикой в сочетании с пластичностью образов и колоритностью пейза-

жей (Краткая литературная энциклопедия, т. 4, с. 114. Москва: Изд-во «Сов. Энциклопедия», 1967).

Важную роль в прояснении метафорической сущности языка сыграла вышедшая в 1919 году монография Хайнца Вернера “Die Ursprünge der Metapher”, в которой автор впервые увязал происхождение этого языкового феномена с понятием *tabu*, явившимся реакцией древнего человека на непостижимые силы и таинства природы: “Die Frühwurzel der Metapher jedoch liegt im tabu” (Werner, 1919: 213). Данный тезис, несомненно, заслуживает быть принятым в качестве конструктивной лингвистической гипотезы. Примечательно при этом, что, не демонизируя, но и не приукрашивая метафору, Х. Вернер одним из первых доказал не только закономерности ее появления, но и *законность* ее существования в языке.

Каковы бы ни были мотивы и побуждения противников метафоры, их объединяло одно: все они считали, что в языке есть и другие, более прямые пути к реальности, чем посредством метафор, которые якобы скрывают истинную сущность вещей от наших глаз. По их безапелляционным суждениям, язык должен непосредственно обозначать, а если потребуется, обнажать и обличать все аспекты окружающей реальности.

Однако, как мы знаем, несмотря на все манифесты, декреты и заклинания, язык продолжает развиваться по своим внутренним законам, которые никому не дано отменить. Метафорическая природа языка, как бы к ней ни относиться, остается незыблемой, и коль скоро даже многие научные термины являются продуктами метафорического переноса, то в литературе и, в частности, в поэзии без метафор просто не обойтись.

Новый всплеск интереса к метафоре, правда, уже на более высоком уровне, совпал с выходом в свет в 1936 году книги Айвора Ричардса “*The Philosophy of Rhetoric*”, в которой автор впервые высказал, а впоследствии и развил т.н. *интеракционистскую* концепцию метафоры, получившую, наряду с предложенными терминами *tenor* и *vehicle*, широкое распространение в англо-американской лингвистике и философии. Этот этап, бесспорно, рефлектирует вполне определенную *смену парадигм* в *метафорологии* как науке (сам термин принадлежит немецкому философу Гансу Блуменбергу и его возникновение датируется 1960 годом).

Позже к интеракционистской теории примкнул американский философ Макс Блэк, который рассматривал метафору как результат семантического изоморфизма между двумя субъектами – главным и вспомогательным, происходящего на фоне определенного контекста (*frame*). К концепции А. Ричардса и М. Блэка мы еще не раз вернемся, поскольку считаем ее одной из наиболее адекватных и продуктивных.

Что касается структурной лингвистики, пик популярности которой пришелся на 60-е годы прошлого века, то ее представители, пренебрегая семантикой в целом, не проявляли особого интереса к метафорическому способу выражения, а некоторые характеризовали его как девиативный или даже «паразитический» (М. Бирвиш). Сходной позиции придерживались и некоторые представители лингвистической философии, один из которых – Уильям Элстон – писал, что метафора представляет собой слово, помещенное в чуждый ему семантический ландшафт и поэтому «паразитирующее» на буквальном значении лексических единиц (Alston, 1964: 96–106). Сторонники данной точки зрения забывают, что у паразитических образований нет внутренней созидательной энергии и они неспособны координированно взаимодействовать с системой, которую они эксплуатируют – чего никак нельзя сказать о метафоре как элементе языка и о метафорическом процессе в целом.

Следует отметить, что значительный вклад в выработку общей теории метафоры внесли в свое время многие отечественные и зарубежные лингвисты – такие как Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. Г. Гак, С. М. Мезенин, Г. Н. Скляревская, Поль Рикёр, Монро Берд-слей, Филипп Уилрайт, Хуго Майер, Харальд Вайнрих, Вернер Ингендаль и многие другие.

Приблизительно с середины 70-х годов XX века все большее значение начинает приобретать когнитивистский подход к изучению метафоры, который впоследствии становится едва ли

не доминирующим в западной лингвистике (Lakoff & Johnson 1980, Mac-Cormac 1985, Kittay 1987, Winner 1988, Soskice 1988, Levin 1988 e.a.). Признавая данный подход в целом заслуживающим определенного внимания, мы, однако, не абсолютизируем его и не считаем когнитивистскую концепцию окончательной и единственно возможной, вследствие чего не рассматриваем ее в деталях и не берем на вооружение ее терминологию.

Когнитивистская парадигма, по существу, рассматривает язык лишь как модель, или средство моделирования реальности. Даже экспрессивная функция языка трактуется здесь как особая логическая модальность и, таким образом, также приобретает когнитивный смысл (Максимов, 2003: 54). Представляется, что чрезвычайно сложные, часто интуитивно обусловленные метафорические процессы не могут быть адекватно объяснены лишь в терминах когнитивистики, которая рассматривает *любое* суждение или рассуждение исключительно как «познание». Сам человек трактуется когнитивистами как субъект, а окружающий мир во всем его многообразии – лишь как объект познания. Все духовное оценивается только в терминах знания и познания – как рационального, так и сенситивного. Получается, что люди на этой Земле заняты исключительно (по)знанием, а их внутренний мир есть не что иное, как совокупность знаний в узком и широком смыслах слова. В таком случае искусство, творчество, музыка, мораль, религия и пр. оказываются как бы за скобками, а человек – этот венец творчества – трактуется лишь как рационально мыслящий субъект познания.

При всем желании трудно согласиться с такой постановкой вопроса, содержащей в себе определенную методологическую ошибку, в соответствии с которой язык человека рассматривается как один из подразделов когнитивной психологии. По нашему убеждению, именно язык является той матрицей, которая накладывает отпечаток на содержание и структуру мышления и на фоне которой разворачивается человеческая мысль, детерминирующая внутреннюю и внешнюю динамику личности. В конце концов, все мы живем в том или ином языковом окружении, а сам язык – хотим мы того или нет – является главным средством и инструментом как внутренней рефлексии, так и интерпретации реально существующего мира.

В настоящей работе представлена лингвоцентрическая концепция метафоры, подкрепленная данными из других областей знания. Сама метафора рассматривается как широко разветвленная и инклюзивная система, включающая в себя такие феномены, как символ, аллегория, синестезия, метонимия, гипербола и гиподокс, эвфемизм, ирония и юмор, оксюморон и др., которые в совокупности и составляют динамику метафорического процесса.

Глава I

Основы общей теории метафоры

1.1. Принцип метафорической интеракции

Лексическая система во всем ее богатстве и многообразии не может быть сведена к какому-либо одному-единственному способу выражения. В ней сосуществуют и постоянно сталкиваются самые различные коды: буквальный, образный в широком смысле, включая метафорический, и пр. Все они так или иначе согласуются с глобальной системой языка и входят в нее, образуя некое гетерогенное многомерное единство.

Буквальный смысл – это один взгляд на реальность, некий стандартный предел, который мы сами же и устанавливаем по умолчанию, в то время как метафорический смысл – это уже несколько иной взгляд на ту же реальность, не исключающий, а часто и предполагающий реструктурирование нашей концептуальной системы. Метафорический способ выражения открывает многообразные возможности для обозначения того, что язык не в состоянии выразить прямо и буквально, поэтому его можно с полным правом охарактеризовать не как альтернативную, а как комплементарную модель коммуникации.

Как справедливо указывает Элизабет Сьюэл, отказ от метафоры был бы равносителен потере самого языка; случись это, и слова превратились бы в холодные и бессмысленные символы, а вместо живого языка мы имели бы какую-то странную математику, в то время как сам человек, очевидно, превратился бы в некое подобие машины. Это следовало бы помнить тем, кто прокликает метафору и призывает говорить «просто и ясно» (Sewell, 1964: 33, 34).

В ряде лингвистических исследований можно иногда встретить утверждение, согласно которому «весь язык метафоричен» (Arbib & Hesse, 1986: 158). Наиболее отчетливо эта точка зрения выражена в монографии Бернарда Дебатина «Рациональность метафоры»: по его убеждению, не буквальный, а именно метафорический модус является основополагающим лингвистическим принципом, вследствие чего можно с полным правом говорить о «принципиальной метафоричности языка вообще» (Debatin, 1995: 331). Мы, пожалуй, не будем заходить столь далеко; отметим лишь, что язык *в значительной степени* метафоричен, особенно в своем диахронном срезе. Очевидно, есть смысл говорить не столько о метафорическом характере, сколько о метафорическом *фоне* языка. Как справедливо отмечают Лейкофф и Джонсон, если бы язык был метафоричным целиком и полностью, то любой концепт не только понимался бы всегда в терминах другого, но и, очевидно, *был бы* этим другим, что значительно осложнило бы общее понимание; однако, к счастью, этого не происходит (Lakoff & Johnson, 1980: 13).

Изучение метафоры всегда отличалось разнообразием подходов, которые тем не менее укладывались в сравнительно небольшое количество основополагающих концепций. Однако практически все исследователи прошлого и современности сходятся в том, что метафора состоит из двух элементов, которые связаны определенным образом. В этом выражении «определенным образом» и кроется суть проблемы. Здесь мнения сильно расходятся: одни считают, что эта связь чисто орнаментальная и носит риторический характер, другие полагают, что она осуществляется по сходству или аналогии, третьи доказывают ее интерактивность, включающую элемент внутреннего напряжения, четвертые уверяют, что метафорика – это прежде всего психологический феномен, находящий лишь свое опосредованное выражение в языке, а кое-кто договаривается даже до утверждения, будто метафора есть не что иное, как паразитический элемент на теле языка, с которым необходимо бороться всеми доступными способами.

Подобные споры ведутся уже на протяжении многих десятилетий и даже веков, однако никаких признаков концептуального консенсуса здесь пока не предвидится.

В этом смысле интеракционистская концепция А. Ричардса – М. Блэка, которую мы берем за основу в данном исследовании, не только пробудила новый интерес к метафоре, но и задала направление, по которому движется и в котором конструктивно развивается современная метафорология. Это, разумеется, отнюдь не исключает наличие и появление в будущем альтернативных концепций метафоры: главное, чтобы они «работали» и вносили свой вклад в общее понимание этого сложного и до конца еще не полностью выясненного лингвоконцептуального феномена.

В ходе экспликации и последующего уточнения своей теории А. Ричардс ввел считавшиеся на первых порах необычными, но сегодня прочно вошедшие в лингвистический узуз термины *tenor*, *vehicle*, *projection*, *interaction*. Последние два термина довольно прозрачны в структурно-семантическом отношении, однако что касается первых двух, то они труднопереводимы, и поэтому мы предлагаем заменить их на более понятные и, как представляется, вполне адекватные по смыслу *знак-объект* и *знак-носитель*.

Терминология М. Блэка также достаточно интересна: в его понимании *focus* – это сама метафорическая лексема, в то время как *frame* (не путать с когнитивистской трактовкой данного термина!) – это предложение, в котором она встречается и которое детерминирует ее смысл. Некоторые возражения вызывают термины М. Блэка *главный* и *вспомогательный субъект*: известно, что, с грамматической точки зрения, в предложении может быть лишь один релевантный субъект.

Смысл интеракционистской концепции Ричардса – Блэка в общих чертах можно сформулировать следующим образом: в процессе коммуникации говорящий, не прибегая к использованию совершенно новых слов, отбирает нужные ему (как правило, маргинальные) признаки, содержащиеся в определенной лексеме, и транспортирует их в структуру другого знака, относящегося к иной понятийной сфере, в результате чего последний уплотняет свой семантический контент и приобретает новые свойства и качества, которыми он до этого не обладал. Таким образом, в контексте, т. е. в определенном дискурсивном окружении, происходит *интеракция*, которую можно назвать *релективной* (от: релевантный + селективный) и в результате которой происходит семантическое переформатирование лексемы при сохранении ее фонографической конфигурации. Данный процесс носит явно выраженный *эмергентный характер*, причем под эмергентностью (от англ. *to emerge*) понимается появление качественно новых свойств целого, отсутствовавших у его составных частей.

Необходимо помнить, что метафора по сути своей *эмергентна*, а ее семантические свойства не являются простой суммой составляющих ее элементов, хотя они и зависят от них. Объединенные в метафорическую систему элементы могут не только приобретать новые свойства, но и терять некоторые семантические качества, присущие им до вхождения в систему или вне ее. Эмоционально-логическая взаимосвязь и взаимозависимость конститuentов метафоры выстраивается таким образом, чтобы наиболее эффективно достигать целей коммуникации.

Другими словами, беря за основу уже существующую форму слова, мы «стираем» его содержание и «вписываем» туда новое, которое – так же как и прежнее – сохраняется в семантической памяти слова. Значение метафоры даже не столько в самом слове, сколько в том, что за ним скрывается. Метафора для языка – это примерно то же, что рентгеновский луч для медицины: проецируясь на объект и сохраняя его в неприкосновенности, он обнаруживает его скрытую сущность. В конечном счете значение и функция конкретной метафоры детерминируются самим говорящим, который осознанно (либо на уровне подсознания) и целесообразно помещает ее в нужный контекст.

Обычно суть метафорической интеракции выражается с помощью довольно простой формулы: $A + B = AB$. Однако данное схематическое изображение представляется, с одной

стороны, слишком упрощенным, а с другой стороны, не совсем корректным. Во-первых, концепты А и В находятся на слишком близком расстоянии друг от друга, в то время как подобная «контактная позиция» несвойственна метафоре, предполагающей интеракцию прежде всего достаточно удаленных друг от друга концептов. Далее в результате этой формулы мы имеем два знака (АВ), которые, несмотря на позиционную близость, все же располагаются на определенной дистанции друг от друга; в метафоре же мы имеем слияние, интеграцию, «растворение» одного в другом. Кроме того, процесс, о котором идет речь, не есть простое арифметическое сложение, а нечто большее: здесь можно проследить, говоря образно, результаты всех четырех математических действий, когда одни признаки действительно складываются, другие вычитаются, третьи умножаются, а некоторые каким-то образом даже делятся друг на друга.

Исходя из вышеперечисленных соображений, мы предлагаем другую, несколько модифицированную формулу метафорической интеграции:

$$A \leftarrow E \approx \mathcal{A},$$

где А – знак-реципиент (объект), Е – знак-донор (носитель), а \mathcal{A} – возникающая в результате интерактивного процесса эмергентная лексема, которую на профессиональном жаргоне и по аналогии с соответствующим знаком международной фонетической транскрипции можно назвать *метафорической лягушкой*. В философии подобное синкретическое понятие, обладающее новым системным качеством, обычно называется *кентавр* (Деменский, 2000: 34).

В соответствии с принятой *интегративно-эмергентной* концепцией мы дефинируем метафору как комплексную лексическую структуру, в которой, исходя из прагматической установки говорящего и при контекстуальной поддержке, происходит релективная проекция значения слова-донора на семантику сохраненного в инвариантной форме слова-реципиента, в результате чего последнее конвертируется в качественно новое семантическое целое.

Очевидно, целесообразно называть результат подобной проекции *метафорической лексемой* (МЛ), памятуя о том, что последняя может означать не только одно слово, но целое словосочетание либо фразеологизм как самостоятельную единицу вокабуляра.

Традиционно считается, что метафорическая интеракция осуществляется посредством включения так называемого *tertium comparationis* (t.c.), который служит посредником и связующим звеном между двумя концептами, относящимися к различным семантическим полям, или дискурсивным зонам. Полагая, что данный термин уже выработал свой семантический ресурс и принимая во внимание, что в основе метафорического процесса далеко не всегда лежит заявленное в нем *сравнение*, мы предлагаем заменить его на более компактный и вполне отвечающий сути явления термин *метафема*, или метафорическая сема. (Сразу оговоримся, что некоторые исследователи трактуют этот термин несколько иначе; так, шведский лингвист Кьер (Kjær) понимает его как зону в предложении, непосредственно примыкающую к метафорической лексеме и оказывающую главное влияние на формирование ее переносного смысла.) В англоязычной лингвистической литературе в данном значении утвердился термин *метафорический модуль*, в то время как Г. Н. Складаревская в основном использует выражение *метафорический символ*. Существуют и другие обозначения данного понятия, например английское *ground*.

Если исходить из того, что метафора – это «слово с секретом», то метафема является тем ключом, с помощью которого можно открыть этот секрет. Имплицитно выраженная метафема является признаком *открытой метафоры*, которой свойственны, как правило, инновативность и экспрессивность. Однако метафорическая сема может быть выражена эксплицитно в самом языковом окружении МЛ, и тогда мы имеем дело с *закрытой метафорой*, один из примеров которой приводит в своем исследовании Х. Кубчак: “Er war ein Löwe, denn sein Mut war außerordentlich groß“ (Kubczak, 1978: 98). Представляется, что данная расшифровка является излишней, поскольку, во-первых, она тривиальна, а во-вторых, лишает слушающего

или читателя возможности самому докопаться до истинного смысла лексемы, который, кстати, запрятан не так уж глубоко.

Одна из существенных характеристик метафоры заключается в семантической энергетике и внутреннем напряжении, которые возникают и сохраняются в ходе интеракции гетерогенных элементов в одном *фокусе* на уровне контекстуального *фрейма* (по Блэку). Семантическая проницаемость и гибкость слова, допускающего метафорическую (как, впрочем, и любую другую образную) интерпретацию, рефлектирует аналогичную гибкость языка в целом и прежде всего его лексической системы.

Так называемой *теории метафорического напряжения* (tension theory) придерживаются два выдающихся современных исследователя метафоры – француз Поль Рикёр и немец Харальд Вайнрих. Согласно концепции П. Рикёра, напряжение возникает прежде всего между двумя конфликтующими интерпретациями – буквальной, которая бессмысленна, и фигуральной, которая нейтрализует нонсенс на уровне дискурса и создает *референцию второго порядка*. В результате этого процесса, который происходит не без участия продуктивного воображения субъекта, создаются новые и модифицируются уже существующие значения в языке (Ricoeur, 1977: 199).

Со своей стороны, Харальд Вайнрих, называя метафору «контрдетерминированным фрагментом контекста», различает такие понятия, как *поле-донор* (bildspendendes Feld) и *поле-реципиент* (bildemfangendes Feld). Метафора, по его мнению, возникает вследствие взаимодействия этих полей, которые находятся в состоянии напряжения друг к другу. Вопрос в том, могут ли они образовать *новое поле* в результате своего взаимодействия или же подобная интеракция ограничивается лишь их взаимной модификацией. Сам Х. Вайнрих не отвечает однозначно на этот вопрос.

Мы исходим из того, что лексическая система языка представляет собой некий дискурсивный континуум, элементы которого способны вступать в интерактивную связь. В процессе коммуникации происходит постоянная и многоуровневая интеракция гетерогенных дискурсов, причем концепты, заимствованные из одного дискурса, немедленно начинают функционировать на метафорическом уровне, как только они переходят в другую дискурсивную сферу. В этом, по нашему убеждению, заключается один из неписанных лексических законов любого естественного языка. Однако более подробно об этом мы поговорим в следующем разделе.

1.2. Метафора и дискурс

Начиная с последней четверти XX века наблюдается отчетливое смещение фокуса исследований метафоры и метафорики в сторону дискурса. В строго лингвистическом смысле дискурс – это связанная речь (как устная, так и письменная), которая существует и функционирует на супрасентенциальном уровне, т. е. на уровне, превышающем одно предложение. Н. Д. Арутюнова рассматривает дискурс как связанный текст в совокупности с различными экстралингвистическими факторами. В каком-то смысле все языковые манифестации, или *специализации языка* (Morris, 1946: 123), могут быть охарактеризованы как дискурс. Так, мы с полным правом можем говорить о правовом, медицинском, поэтическом и пр. дискурсах. По словам У. Урбана, все виды знаний, включая научные, также являются *дискурсом*, что признается всеми – эксплицитно либо по умолчанию (Urban, 1939).

Пионером дискурсивного подхода к изучению языка был в свое время З. Харрис, доказывавший, что методы лингвистики могут быть применены для того, чтобы понять, как предложения связаны между собой, а не только с целью исследования формальной структуры самих предложений (Harris, 1952).

Состоящий из взаимосвязанных высказываний, дискурс всегда целенаправлен, т. е. имеет определенную цель и направление. Говорящий и слушающий в процессе коммуникации находятся в общем дискурсивном пространстве, в котором языковые средства рефлектируют не только определенный фрагмент реальности, но и коммуникативное намерение говорящего. При этом синтаксические правила устанавливают допустимую комбинацию слов, а значение целого высказывания не является механической суммой значений входящих в него слов: оно всегда представляет собой *нечто большее*.

Границы между дискурсами – так же, впрочем, как и между семантическими полями – проницаемы и преодолимы. Перефразируя Ю. Д. Апресяна, можно сказать, что практически из любого дискурса, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любой другой дискурс, так что семантическое пространство языка оказывается в этом случае континуальным, т. е. непрерывным (см.: Апресян, 1974: 252).

Не найдется, пожалуй, такого дискурса, который брал бы на вооружение и активно использовал лишь буквально понимаемые слова и выражения. Без всякого преувеличения можно утверждать, что метафора является не только важным, но и неизбежным, а иногда и фундаментальным условием функционирования того или иного дискурса. Буквальный и метафорический типы дискурсов активно взаимодействуют друг с другом в различных соотношениях: так, в научной и деловой сферах, естественно, превалирует буквальный способ выражения, в то время как в поэтической речи – преимущественно образный и, в частности, метафорический.

Если исходить из того, что метафорический код пронизывает весь язык как систему, то следует признать, что он охватывает так или иначе все виды дискурсов. Метафора избирательно высвечивает одни признаки и подавляет другие. Она оказывает влияние на наше восприятие и непосредственно воздействует на наш дискурс. Мы прибегаем к метафоре, чтобы сфокусировать внимание на чем-либо важном для нас, *что* мы хотим довести до сознания собеседника. При этом мы часто ломаем установившуюся концептуально-категориальную систему, которая сковывает наше мышление, и приводим в соприкосновение концепты, находившиеся до этого на (иногда значительном) расстоянии друг от друга (Tyler, 1978: 336).

Метафора, по Юргену Линку, есть результат пунктуальной (в данном случае точечной) интерференции двух дискурсов, т. е. *перенос* из одного дискурса в другой (Link, 1984: 150). По сути это интердискурсивный элемент (когнитивисты, очевидно, употребили бы в этом случае термин *интерфреймовый*), который несет в себе два концептуальных контента, заимствован-

ных из разных семантических полей. (Что касается самого понятия «поле», которое со времен Майкла Фарадея активно используется в метафорическом смысле в самых различных сферах научной коммуникации (Йост Трир просто экстраполировал эту «физическую» метафору в лингвистику), то оно имеет один существенный недостаток, а именно: оно вызывает в нашем представлении некую плоскую поверхность. А между тем это не так; при всей условности данного геометрического построения следует признать, что лексическое пространство языка, скорее всего, *многомерно*, и на это косвенно указывают, в частности, такие структуралистские термины, как *поверхностная* и *глубинная* структура. Кроме того, на чисто субъективный взгляд автора, прилагательное «полевой» в русском языке не совсем адекватно в научном смысле, поскольку чаще всего ассоциируется с цветами, растениями и пр. Именно поэтому в дальнейшем мы вместо традиционных полей будем говорить о *дискурсивных зонах* как потенциальных «поставщиках» и «потребителях» метафорического смысла.)

Чтобы эффективно функционировать в качестве метафоры, знак-объект (*tenor*) и знак-носитель (*vehicle*) должны принадлежать к разным дискурсивным зонам. К примеру, они не могут быть ко-гипонимами: мы при всем желании не можем *нож* употребить метафорически вместо *вилки*, а *стул* использовать в качестве метафоры *стола* (Kittay, 1987: 292).

Напротив, концепты, заимствованные из одного дискурса (или контекста), начинают немедленно функционировать метафорически, как только они переводятся на другой концептуальный уровень, т. е. в другую дискурсивную зону. И хотя мы можем порой догадаться о смысле какой-то метафоры и вне дискурсивного контекста (особенно если это конвенциональная или тем более застывшая метафора), такое понимание может быть неполным и даже в чем-то ущербным. Следует всегда помнить, что метафора как знак функционирует не изолированно, а в общей системе знаков. Это важный и мощный инструмент дискурсивной коммуникации.

Подобно паутине, метафора может распространяться по всей вербальной поверхности текста, образуя в нем своеобразные метафорические сети. При этом невозможность или абсурдность буквального прочтения (если это, разумеется, не намеренно бессмысленный текст) является первым сигналом возможного присутствия в нем метафор(ы).

Решение о том, рассматривать ли то или иное предложение как элемент дискурса в качестве буквального, абсурдного или метафорического, не в последнюю очередь зависит от семантической структуры как предшествующих, так и последующих предложений (кон)текста. В первом случае мы имеем дело с *анафорической*, а во втором – с *катафорической* референцией. Предшествующую, т. е. левую, позицию можно условно представить как *предконтекст*, а последующую, правую – как *постконтекст*. На вертикальной оси подобной воображаемой геометрической конструкции будут представлены энциклопедические знания коммуникантов и общие знания о ситуации.

Отметим также, что метафора, возникающая в результате интеракции гетерогенных концептов и генерирующая вокруг себя семантическое поле напряжения, не только детерминирует внутреннюю динамику дискурса, но и модифицирует его таким образом, что он приобретает метафорический статус.

1.3. Контекстуальный аспект метафорики

Любое слово – это прежде всего открытая система, обменивающаяся информацией со своим окружением. Структура слова, с одной стороны, стабильна, а с другой – достаточно пронцаема. Слово интегрируется в структуру предложения, которое в свою очередь интегрируется в контекст. Именно в контексте и происходит окончательная детерминация его значения. Другими словами, контекст немедленно обнаруживает смысловой ключ, в котором следует понимать данное слово.

Г. В. Колшанский определяет контекст как совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы (Колшанский, 1959: 47). Сам контекст детерминирует условия появления и накладывает жесткие ограничения на функционирование тех или иных слов в его рамках.

Контекст неизбежно присутствует в любой форме коммуникации, писал в свое время известный американский философ Джон Дьюи. Он инкорпорируется во все, что мы говорим и является арбитром ценности каждого нашего высказывания. Идеи и слова, выхваченные из контекста, звучали бы по меньшей мере экстравагантно и не имели бы смысла, поскольку именно контекст контролирует ход наших мыслей (Dewey, 1931: 206). Исследуя лишь отдельные факты языка, т. е. семантические события (*events*), и в то же время игнорируя общий фон, на котором разворачиваются эти события, невозможно прийти ни к какому объективному научному результату. Фон, о котором в данном случае идет речь, т. е. контекст, представляет собой каузальный фактор, детерминирующий появление интересующих нас фактов или деталей и связывающий их в единое целое (Dewey, 1931: 208).

Иными словами, рассматривая отдельные элементы или детали вне контекста, мы можем, сами того не желая, необоснованно придать им абсолютное значение, каким они на самом деле не обладают. Контекст восстанавливает утерянную перспективу и является в этом смысле важным ограничительным фактором, т. е. *фреймом* в трактовке Макса Блэка.

В современной философии – в русле модного ныне когнитивизма – контекст рассматривается уже как некое *когнитивное поле*, являющееся непременным условием познания в социокультурном аспекте (Аникушина, 1999: 1). Заметим лишь, что роль лингвистического контекста, о котором в данном случае идет речь, отнюдь не ограничивается одним лишь «познанием».

Единицей, образующей дискурс, является фраза, а не отдельное слово, указывает Поль Рикёр. Мы не можем построить теорию метафоры, основываясь лишь на слове; для того чтобы построить такую теорию, необходимо учитывать роль предиката, приписываемого субъекту, т. е. борьбу между субъектом и предикатом во фразе. Метафора рождается из конфликта, из той напряженности, которая возникает в результате соединения слов во фразе (Рикёр, 1995: 101–102).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.